

О ПРОФЕССИЯХ И О ПРОФЕССИОНАЛАХ

Прочитайте предложенные тексты. Определите текст, по которому в формулировке проблемы и позиции автора можно использовать название профессии.

Текст 1.

(1) Волнующая это вещь — ощутить великую этику, давшую миру бессмертных героев, в поведении и образе мышления окружающих нас сегодня «обыкновенных» людей. (2) Но чтобы почувствовать это, нужны усилия мысли и сердца: в потоке дней, в повторяющихся мелочах иногда утрачивается ощущение социальной объёмности жизни, начинаешь воспринимать её не стереоскопически, а в совершенно искусственном, механическом делении на «будничное сегодня» и «легендарное позавчера». (3) В «будничном сегодня» живёт будто бы ничем не замечательный человек: сослуживец, попутчик, сосед по даче, а в «легендарном позавчера» жили Томас Мор, Кампанелла, декабристы, герои революции. (4) И та минута, когда в «обыкновенном» современнике узнаёшь черты легендарного героя, даёт урок мудрости.

(5) Для Радищева высшая радость, как известно, состояла в том, чтобы «соучастником быть во благоденствие себе подобных».

(6) И вот эти самые, казалось бы, музейно-величавые слова я услышал однажды от детского хирурга, доктора медицинских наук В. И. Францева, и относились они не к легендарной, отдалённой от нас столетиями личности, а к рабочему-лекальщику Сергею Степановичу Павлову. (7) Он создал уникальный хирургический инструмент, помогающий при операциях на сердце, — инструмент, который до этого хорошо делали только в Англии, где мы и покупали его.

(8) Размеры инструмента, его суть Павлов узнал от инженера, сына которого оперировали в одной из московских клиник. (9) Павлов работал над инструментом вечерами и по выходным дням в течение ряда лет. (10) Когда с ним заговорили о денежном вознаграждении, ибо ценность его работы измерялась не только исцелёнными жизнями, но и сэкономленным государству золотом, Павлов ответил: «Лучше покажите мне двух человек, которым помог мой инструмент».

(11) Именно эти его слова, напомнив «музейную» фразу Радищева, сообщали событию легендарное освещение, открывали ту объёмность видения, без которой событие это философски непонятно.

(12) Творческая ли личность Павлов? (13) Вопрос риторический!

(14) А вот человек, ничего удивительного, яркого не создавший, «самый-самый обыкновенный», — ну, обыкновеннее не бывает! — творческая ли он личность? (15) Ответить на это сложнее.

(16) Что такое творчество? (17) Самый распространённый ответ: творчество — это рождение чудесной новизны, появление новых великих художественных и материальных ценностей, которые украшают мир. (18) Именно так отвечают и многие философы, и большинство «обыкновенных» людей, нефилософов, задумывающихся над собственной жизнью, над тем, что они могут дать миру.

(19) А между тем в этом ответе есть глубочайшее заблуждение. (20) Оно станет понятным, если вообразить трёхмиллиардное человечество разделённым на две неравные части: небольшую — избранных людей, одарённых Божьей искрой, обладающих большими, яркими талантами, которые действительно украшают мир, радуют нас книгами, симфониями, научными открытиями. (21) И рядом — его большая часть, состоящая из «обыкновенных», «рядовых» людей. (22) Им будто бы и не дано рождать ту самую чудесную новизну, которая сопряжена у нас с самим пониманием творчества.

(23)Однако слова «творческая личность» по существу тавтология. (24)Если личность — то непременно творческая! (25)Творчество возможно и в самой скромной, самой будничной форме. (26)Это может быть слово, это может быть улыбка, которая несёт кому-то радость. (27)Я думаю, что и домашняя хозяйка, которая сообщила дому какой-то обаятельный уклад, — она тоже творец. (28)И водитель автобуса, который, видя, что в машине много старых людей, ведёт её особенно бережно, — и он творец.

(29)И учитель, который входит в класс с такой глубокой готовностью передать лучшее, что у него есть за душой, детям, что они это ощущают как бы растворённым в воздухе, — он творец, несомненно...

(30)Людей бездарных — без дара — не бывает. (31)Личностями, как и поэтами, не рождаются. (32)Ими делаются, как ораторами и солдатами. (33)А точнее, и рождаются, и делаются.

(По Е. М. Богату*)

* Евгений Михайлович Богат (1923—1985) — советский журналист, писатель.

Текст 2.

(1)За несколько дней до войны Академия архитектуры в Москве решила реставрировать редкие и наиболее ценные издания своей библиотеки.

(2)Огромные тома Витрувия или Палладио, источенные червями или обветшавшие от времени, требовали тончайшего мастерства переплётчика, который должен был вернуть им первоначальный вид.

(3)Такие золотые руки нашлись в Москве. (4)Это был старый переплётчик Эльяшев, родом из Николаева, человек, тонко чувствовавший эпоху, бескорыстно влюблённый в своё дело, виртуозный переплётчик и футлярщик.

(5)Его пригласили в библиотеку Академии архитектуры, и Эльяшев реставрировал там или, вернее, воссоздал ряд замечательных книг, так что даже самый опытный взгляд не обнаружил бы изъянов.

(6)Я всегда с уважением смотрел на Эльяшева, который обращался с книгой так, словно разговаривал с ней.

(7)В 1941 году, во время эвакуации, я потерял Эльяшева из виду в сложных событиях войны и считал, что старик не вынес, вероятно, тяжёлых потрясений. (8)Но однажды, года через два после окончания войны, я узнал, что Эльяшев жив и даже работает продавцом в книжном киоске Академии наук на одной из станций московского метро. (9)Я поехал на эту станцию и отыскал Эльяшева.

(10)— Как я рад, что вы живы, — сказал я ему, — ведь часто вспоминал ваши руки.

(11)— Жив-то я жив, — ответил он, — но с руками мне пришлось проститься.

(12)Он показал мне свои руки, на которых были ампутированы все пальцы, за исключением двух — большого и указательного, которыми он и действовал.

(13)— Я отморозил их на лесозаготовках. (14)Ноги у меня были тоже отморожены, но не в такой степени.

(15)— Неужели без вас не обошлись на лесозаготовках? (16)Ведь вам больше шестидесяти лет, — сказал я, готовый предположить чьё-то равнодушие к чужой старости.

(17)— Нет, я пошёл добровольно, — ответил он с твёрдостью. (18)— Разве мог я остаться без дела, когда вся страна воюет? (19)Нет, я не вправе был поступить иначе.

(20)Я вспомнил о своих книгах, которые переплёл Эльяшев, вспомнил редчайшие издания в библиотеке Академии архитектуры, которым этот старик дал вторую жизнь.

(21)— Как же мне жалко ваши руки, Эльяшев, — сказал я, искренне скорбя за него.

(22)— Они у вас были как у скрипача.

(23)— Конечно, руки мои пропали... но если я принёс ими хоть сколько-нибудь пользы в войну, что сейчас говорить о них.

(24)Он сказал это, нисколько не рисуясь, и я подумал о том, что, может быть, спиленное его шестидесятилетними руками дерево послужило топливом для двигателя или станка, на котором изготовляли оружие.

(25)Неделю спустя Эльяшев неожиданно пришёл ко мне.

(26)— Вот что, — сказал он, — дайте мне какую-нибудь вашу самую любимую книгу... я постараюсь переплести её, и это будет в последний раз в моей жизни.

(27)Я дал ему редкость — сборник высоких мыслей «Похвала книге», и он переплёл её, орудуя двумя уцелевшими пальцами; вероятно, это стоило ему многих усилий, но он переплёл книгу, и она стоит у меня на полке и поныне. (28)Она напоминает мне о том, что истинное существо человека проверяется в самых трудных испытаниях.

(По В. Г. Лидину*)

* Владимир Германович Лидин (1894-1979 гг.) — русский советский писатель.

Текст 3.

(1)Два образа не покидают человека всю жизнь: первая любовь и первый учитель.

(2)Я окончил элитную школу, располагавшуюся в престижном районе на западе Москвы. (3)Сейчас такие слова и произносить-то гадко, хочется как-то от них отстраниться, хотя бы закавычить. (4)Тогда, 35 лет назад, они несли несколько другой смысл. (5)У истоков нашего совсем ещё юного в ту пору заведения стоял академик А. Н. Колмогоров. (6)Отбирали туда на жёсткой, многоступенчатой конкурсной основе старшеклассников со всей России, в том числе из самых дальних и глухих мест, и критерий был один: исключительные способности к физике и математике. (7)Колмогоров сам читал лекции; помню его в белой рубашке с протёртыми воротничком и манжетами, выписывающим на доске и комментирующим загадочные формулы, — от формул тех в голове уже ни следа, а образ свеж, как будто это было вчера; помню общие с ним лыжные прогулки всем классом по кунцевским рощам, его рассказы по вечерам в читальном зале — о музыке, живописи, архитектурных шедеврах Европы... (8)Вместе с ним преподавали его сподвижники и ученики, профессора и аспиранты из МГУ, Физтеха и других лучших вузов страны. (9)В эти-то вузы и лежала у питомцев школы дорога.

(10)А литературу вёл у нас человек, ради которого я и начал свой рассказ.

(11)Юрий Викторович Подлипчук школьных учебников не признавал. (12)Учились мы по конспектам его вдохновенных лекций, которые торопливо записывали неумелой рукой (всё-таки не студенты, девятый класс). (13)Ещё считалось важным знать тексты, то есть собственно литературу (при этом Достоевский, например, требовался почти весь, вплоть до «Братьев Карамазовых»). (14)Сейчас уже не вспомнить всего, что он говорил и как объяснял, какие имена попутно всплывали. (15)Его эрудиция и начитанность были феноменальны. (16)С моим тогдашним багажом (могу судить только о себе) я, скорей всего, воспринимал лишь сотую, меньше — тысячную долю сказанного! (17)Читал в детстве, как и многие в нашем классе, много, запоем, но без разбора и ничего не классифицируя. (18)Но после его уроков стали читать ещё больше, бегали записываться в Ленинскую библиотеку, чтобы в очередь прочесть единственный, наверное, доступный в ту пору экземпляр «Парижских тайн» Эжена Сю — истёртые и пожелтевшие томики разруганного когда-то

Белинским авантюрного сочинения, выпущенные чуть ли ещё не при жизни великого критика.

(19) Недавно тогда опубликованный в журнале роман Булгакова «Мастер и Маргарита» учитель сам читал нам вслух после уроков. (20) Пропущенная цензурой вещь сразу попала в число полузапретных. (21) Смешно об этом вспоминать сегодня, но кто-то из коллег преподавателей на наших глазах настоятельно отговаривал Юрия Викторовича от публичного чтения. (22) «Пуганая ворона куста боится!» — был ответ.

(23) Слушать его голос — это был отдельный труд души и наслаждение. (24) Но настоящим праздником становились встречи в актовом зале, обычно накануне выходного, когда Юрий Викторович поднимался на кафедру и допоздна читал стихи. (25) За минувшее с той поры время я слышал немало профессиональных чтецов, в том числе известных и титулованных, но по силе воздействия никого не поставлю даже близко. (26) До сих пор не могу постичь, в чём была магия этого сухощавого близорукого человека в сильных очках-линзах. (27) Он был добр и серьёзен, ироничен и строг, силен и снисходителен. (28) Что читал? (29) Разное, например, всеми забытого Василия Курочкина.

(30) Да кто ж вложил учителю в те годы «жало мудрья змеи», какой провидческий опыт позволил ему заглянуть через десятилетия, какой нечеловеческой интуицией питались модуляции проникновенного голоса и лукавый блеск глаз из-под очков? (31) А ещё ближе ложился, ещё острее ранил души подростков безысходно-печальный Есенин.

(32) Когда я вспоминаю лучшие — по-современному, «звёздные» — минуты своей жизни, первой в голову приходит такая картина: высокие окна школьного зала на четвёртом этаже распахнуты в московскую ночь, вдали за деревьями мерцают одинокие огни, весенний ветерок наносит свежесть, Юрий Викторович со сцены читает Есенина, я гляжу на сидящую впереди меня прекрасную девочку, которая вся обратилась в слух и, конечно, не подозревает о моём существовании, и по щекам моим ручьём текут горячие слёзы.

(33) Так хорошо, что быть выше и счастливее, кажется, просто невозможно.

(По С. А. Яковлеву*)

* Сергей Ананьевич Яковлев (род. в 1952 г.) — советский и российский писатель, публицист, редактор.